

РУССКИЙ ПРОПАГАНДИСТ ТОЛСТОГО

ДВЕ СТАТЬИ С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКОГО

Сообщение М. И. Перпер

Один из деятельных участников революционного движения 1870-х годов, вынужденный бежать за границу и прожить там много лет, Сергей Михайлович *Кравчинский* (1852—1895), выступавший в печати под псевдонимом *Степняк*, провел годы эмиграции в напряженной литературно-пропагандистской работе. В новых исторических условиях он стремился продолжать дело Герцена: знакомить Запад с народной, борющейся, революционной Россией. Этой цели служили и его выступления о русской литературе. До нас дошли печатные и готовившиеся к печати статьи и очерки Степняка, а также планы и наброски лекций о Пушкине, Тургеневе, Островском, Достоевском, Салтыкове-Щедрине, Глебе Успенском, Станюковиче, Короленко и Толстом.

Ниже публикуются два выступления Степняка о Толстом. Они относятся к числу немногих в те годы серьезных попыток разъяснить западноевропейской и американской общественности некоторые основные вопросы творчества и мировоззрения автора «Войны и мира» и представляют несомненный интерес.

Степняк начал читать публичные лекции о Толстом в 1888 г. в Англии и продолжил чтение их в 1891 г. в Соединенных Штатах Северной Америки во время лекционного тура, совершенного по этой стране. Внимание Запада было в это время привлечено к философско-этическим и публицистическим сочинениям Толстого: «Исповедь», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?» и другим, появившимся, начиная с 1885 г., одно за другим и нередко сразу в нескольких переводах. Они поразили читателей беспощадностью, с которой Толстой пересматривал свои собственные нравственные, религиозные и общественные взгляды, а также силой, прямотой и резкостью социальной критики существующего «порядка вещей», всего того, чем жило современное ему общество.

Но отклики западноевропейской и американской печати на пережитый Толстым моральный и религиозный кризис, на изменение его социальных взглядов были тогда еще немногочисленны и нередко поверхностны; значительное место среди них занимали рассказы любопытствующих путешественников или журналистов, побывавших в Ясной Поляне и спешивших поделиться с публикой своими впечатлениями.

Понятно поэтому, что серьезно подготовленные, продуманные лекции Степняка вызывали пристальное внимание аудитории и часто переходили в живую и непосредственную беседу — было ли это в промышленных городах Шотландии или в студенческих клубах старинных английских университетов, в загородном доме писателя Уильяма Морриса, где собиралась передовая интеллигенция Англии конца 1880-х годов, или в каком-нибудь американском зале для собраний.

Делясь впечатлениями о лекции, прочитанной им в Вашингтоне, Степ-

СТАТЬЯ С. М. СТЕПНЯКА-
КРАВЧИНСКОГО «СВЕТ
РОССИИ»

Вырезка из американской газеты
«Daily Inter Ocean» от 10 июня 1889 г.

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

RUSSIAN REFORMERS.

**Stepniak, the Princely Revolution-
ist, on Count Tolstoi, the
Noble Novelist.**

**The New Creed as Interpreted by
Its Great Apostle—A Remark-
able Revelation.**

**Interesting Anecdotes of the Life
and Labors of the Distin-
guished Reformer.**

THE LIGHT OF RUSSIA*
(Copyrighted, 1889.)

LONDON, May 24.—*Special Correspondence.*—
A distinguished American arctic and journal-
ist, with whom I
was once talking
about Count Tol-
stoi, said to me that
he would willingly
travel all the way
to Russia merely to
see and shake
hands with the
famous Russian
author. Such a
sign of appreciation
of our great coun-
tryman was cer-
tainly very gratify-
ing to me, but it did not surprise me. I had
had many occasions to observe the great, I may
almost say, unprecedented enthusiasm for
Count Tolstoi exhibited by the English and
Americans.

If this enthusiasm were occasioned by Tol-
stoi's being a great author, it would not call for
comment of any kind; for, since Turgueneff's
death, he has had no rival among the living
writers of the whole world and no tribute

Count **TOLSTOI**

няк 29 января 1891 г. писал жене: «... слушали полтора часа, не уходя, и потом один час вопросы шли, пока хозяин театра не обомлел и не потушил газа. Мы продолжали некоторое время в темноте, а потом разошлись» (ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 761. См. там же, в ед. хр. 581, воспоминания американской общественной деятельницы Лилли Уаймен об одной из лекций Степняка и о впечатлении, которое произвело на слушателей его толкование образа Наташи Ростовской).

Американский писатель У. Д. Хоуэлс, глубоко читавший Толстого, испытавший сильное влияние его творчества и взглядов (см. выше, стр. 85—87 настоящ. тома), писал 27 января 1891 г. своему другу, журналисту Дж. Понду:

«Лекция Степняка о Толстом — одна из самых замечательных, которые мне когда-либо доводилось слышать; поразительна ее интеллектуальная ясность и сила. Я мог согласиться далеко не совсем в ней. В ней звучало не сочувствие, а враждебность революционера к принципу ненасилия. Да и чисто литературная критика казалась мне не вполне справедливой; но эти недостатки не обесценивали лекцию в целом. Она представляет собой широкое, смелое, основательное — в самом полном смысле этого слова — исследование» («Life in Letters of W. D. Howells», New York, 1928, vol. II, p. 13).

Лекции Степняка несомненно сыграли положительную роль в разъ-

яснении и популяризации творчества Толстого в странах английского языка, где в те годы многие произведения Толстого еще не были переведены вообще, а другие появлялись в таком искаженном и далеком от оригинала виде (будучи переделкой французских и немецких переводов), что всерьез эти издания принимать не приходилось. Крупнейший английский критик М. Арнольд в статье «Граф Лев Толстой» («Fortnightly Review», 1887, № 12) ссылаясь на французские публикации и даже утверждал, что «Анну Каренину» легче перевести на французский, чем на английский язык. Интерес широких читательских кругов к Толстому быстро рос, и все острее становилась потребность в доброкачественных английских текстах его произведений. Понятно поэтому, что Степняк, убедившись в литературных и лингвистических способностях молодой преподавательницы латыни Констанции Гарнет, посоветовал ей изучить русский язык и заняться переводами. С помощью Степняка и Ф. Волховского Гарнет овладела русской речью. Осенью 1893 г. она поехала в Россию с деньгами, собранными в Англии для голодающих крестьян, повидалась в Нижнем-Новгороде с В. Г. Короленко и посетила Ясную Поляну (см. публикацию А. В. Храбровицкого «В. Г. Короленко, Констанция Гарнет и С. М. Степняк-Кравчинский» — «Русская литература», 1962, № 4, стр. 167—171 и воспоминания сына Констанции Гарнет — David G a r n e t t. The Golden Echo. London, 1953, p. 11—15). Вернувшись в Англию, она стала переводить сочинения Толстого. В 1894 г. вышла первая ее работа — перевод трактата «Царство божие внутри вас», сделанный, очевидно, по вывезенной из России копии этой запрещенной цензурой книги. Сохранившиеся письма Гарнет к Степняку показывают, что он помогал ей понять толстовский текст, определить значение трудных слов, раскрыть намеки на детали русского быта. (К совместной работе с Гарнет относится, по видимому, сохранившаяся в бумагах Степняка тетрадь с выписанными из «Войны и мира», «Казаков», «Поликушки» словами — сельскохозяйственными терминами, крестьянскими обиходными выражениями, устойчивыми речениями, военными и церковными терминами, значение которых Степняк уточнял по словарю Даля и затем разъяснял переводчице. — ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 238 и 134.) Гарнет стала профессиональной переводчицей, и ей обязаны англичане знакомством с важнейшими произведениями Толстого, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Ее переводы Толстого относятся к числу лучших на английском языке, хотя и уступают по точности переводам супругов Моодов. Они заслужили одобрительный отзыв самого писателя (см. A. M a u d e. The Life of Tolstoy. Oxford, 1953, vol. II, p. 431).

Обе печатаемые здесь статьи Степняка переведены с английского. Первая, «Свет России», была написана по заказу представителя американского газетного треста Т. Стэнтон и опубликована 10 июня 1889 г. в одном из органов республиканской партии, чикагской газете «Daily Inter Ocean», где Степняк поместил в том же году еще несколько статей.

Рукопись до нас не дошла, но в архиве Степняка оказалась вырезка из газеты, просмотренная им и в одном месте исправленная. По ней и сделан перевод (ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 70).

Второй текст представляет собой статью, оставшуюся незавершенной и выросшую из лекций, читанных Степняком в Соединенных Штатах в январе—апреле 1891 г. и, вероятно, предназначавшуюся для какого-то американского периодического издания. Очевидно, Степняк, поглощенный интенсивной работой по организации Общества друзей русской свободы в США, не успел подготовить статью к печати до отъезда, а вернувшись в Англию, занялся изданием журнала «Free Russia» и другими неотложными делами, не оставлявшими времени для работы над статьей.

В журнале «Free Russia» Степняк нередко помещал сообщения о деятельности Толстого во время голода, об издании и чтении его произведений в России, о недопущенных цензурой к печати сочинениях и нелегальном распространении их.

В числе последних работ Степняка находятся две написанные по-русски статьи: предисловие к брошюре «Гонения на духовборцев», изданной «Фондом вольной русской прессы» (одним из членов которого был Степняк), и «Непротивление» — отклик на книгу Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина» и приложенную к этой книжке статью Толстого. (Обе эти статьи перепечатаны в «Лит. наследстве», т. 69, кн. 2, 1960, стр. 306—316.)

Хотя и не отделанная окончательно для печати, статья «Граф Толстой как писатель и социальный реформатор» заслуживает внимания и потому помещается ниже.

До нас дошли полный черновой автограф статьи, подписанный автором, и перебеленное ее начало (до слов «Недостаток времени не позволяет мне...»). С этих рукописей и сделан нами публикуемый перевод. Черновой текст изобилует сокращениями и недописанными словами; раскрыть и дополнить их удалось путем сопоставления с набросками и конспектами лекций и близкими по содержанию заметками в записных книжках Степняка. В переводе конъектуры не отмечены, чтобы не затруднять чтение.

Высоко ценя Толстого-художника, «чье творчество останется в веках и всегда будет вызывать восторг и восхищение», Степняк резко порицает религиозные идеалы Толстого-пророка, «уводящего назад в далекое, уже чуждое нам прошлое», заявляет о неприемлемости его социальной философии «для всех свободолюбивых русских людей». Но, критикуя с позиций демократа, участника революционно-освободительной борьбы русского народа, воззрения, лежащие в основе философско-этических сочинений Толстого, Степняк пытается проследить их генезис и обнаруживает, что «в основе художественных произведений Толстого лежат те же понятия, какие он выразил в последние годы в форме религиозного учения, с той только разницей, что казавшееся сомнительным, односторонним, фантастическим в его религии, представлялось убедительным, последовательным и цельным в волшебном освещении искусства». Корни же этих понятий Степняк ищет в «восточном элементе» — «пассивной покорности перед бедствиями внешнего мира», присущей славянским и другим «восточным» народам и порожденной, «как видно, той особой формой зависимости от природы, которая характерна для огромных и единообразных в географическом отношении стран». (К мысли о зависимости русской истории, и даже судеб русской революционной борьбы, от беспредельности русских равнин, мысли, восходящей, вероятно, к убеждению Элизе Реклю и Л. И. Мечникова в определяющей роли географического фактора, Степняк возвращается многократно, в различных своих работах.) Этот восточный элемент, постепенно изживаемый, «но все еще преобладающий среди миллионов крестьян», нашел, по мнению Степняка, «самого полного выразителя» в Толстом.

Стремление рассматривать творчество великого писателя в целостности, в органическом единстве и неделимости и, в то же время, в развитии, найти социальные причины и почву, определившую характер его развития, выгодно отличает Степняка — хотя ему и не удалось найти правильный исторически осмысленный ответ на все эти вопросы — от многих современных ему истолкователей Толстого, особенно на Западе.

Обе приводимые ниже статьи даются в переводе с английского.

СВЕТ РОССИИ¹

Один известный американский журналист и художественный критик, с которым я как-то беседовал о Толстом, сказал, что ради удовольствия пожать руку этому замечательному русскому писателю он был бы готов предпринять путешествие в Россию. Подобное отношение к нашему великому соотечественнику, разумеется, порадовало меня, но, впрочем, не удивило. Много раз я был свидетелем огромного, можно сказать, небывалого энтузиазма, с каким англичане и американцы относятся к Толстому.

Не удивительно, если бы этот энтузиазм вызывал Толстой как великий художник слова: ведь после смерти Тургенева во всем мире не осталось писателя, которого можно было бы поставить рядом с Толстым; и никакие проявления восторга не покажутся чрезмерными по отношению к автору «Войны и мира» и «Анны Карениной».

Однако всем известно, что та особенная слава, которая теперь окружает имя Толстого, началась после того, как появились его «Исповедь» и «В чем моя вера?»². На одного поклонника Толстого-писателя приходится двадцать восторженных почитателей его как проповедника новой религии. Впрочем, число его последователей — как по ту, так и по эту сторону Атлантического океана — не особенно велико.

Его толкование Евангелия, безусловно, представляет собой один из самых блестящих образцов исторической критики. Историк, чтобы воссоздать прошлое, необходимо быть в какой-то степени и поэтом. Подлинно поэтическое дарование и явно восточный склад ума помогли Толстому особенно глубоко проникнуть в тьму веков и ощутить дух великого назарянина. Впрочем, если бы учение Христа, — допустим, что мы принимаем толстовское толкование его, — не претерпело некоторых изменений, оно никогда не вышло бы за пределы азиатского Востока и уж конечно не нашло бы себе приверженцев на Западе в наше время.

Однако в самом факте, что романист на вершине мировой славы, в полном расцвете творческих сил, из-за каких-то нравственных убеждений отказывается от художественной деятельности и успеха и принимается сажать картофель, тачать сапоги и возить навоз на поля своих бедных соседей-крестьян, было что-то поразительное и необычное, вызывавшее удивление, интерес, а затем и преклонение, какое редко кому выпадало на долю при жизни.

В России все оказалось наоборот. Известное изречение, что нет пророка в своем отечестве, хотя и часто опровергается фактами, — в отношении Толстого оказалось совершенно справедливым. Для русских он по-прежнему писатель, а не пророк. Как писатель Толстой пользуется такой славой, какой не знал при жизни ни один русский автор. Достоевского только после смерти оценили по достоинству, Тургенев и теперь еще не получил того признания, которого заслуживает. Толстому же — как и Виктору Гюго — выпало редкое счастье быть свидетелем собственного литературного апофеоза.

К появлению же Толстого в мантии пророка печать и общественное мнение в России остались равнодушны. Его социальная философия, столь неприемлемая для всех свободолюбивых русских людей, подверглась жестокому осмеянию, и критики с бесперемонностью, свойственной нашим литературным нравам, советовали ему заняться лучше своим делом и «не совать свой гениальный нос в такие вещи, которых он не понимает». В пылу разгоревшейся полемики даже то, что несомненно заслуживало уважения и сочувствия, — попытки Толстого жить в соответствии с собственными убеждениями — было встречено холодно.

Мы, русские, не слишком заботимся о физических удобствах, мы видели слишком много примеров истинного самопожертвования и страдания во имя идей, и, вероятно, поэтому увлечение графа Толстого тачаньем сапог и полевыми работами оставляет нас равнодушными. В таких вещах мы очень взыскательны. Да и многое в положении графа Толстого могло показаться смешным. Он сделался мишенью для шуток, не миновали его и личные нападки врагов.

Так, в ежемесячнике «Русское богатство», где он сам иногда сотрудничает, появилось довольно забавное описание его «отказа» от личной собственности. В железнодорожный вагон входит господин, в котором нельзя не узнать графа Толстого. Он одет, конечно, по-крестьянски и сейчас же начинает рассказывать о блаженстве, которое испытывает, отказавшись от частной собственности. От него требуют дальнейших объяснений, и тогда выясняется, что этот господин — крупный землевладелец, получающий большие доходы и располагающий значительным капиталом, но не затрагивающий до него собственными руками, а предоставляющий ведение всех дел своему сыну. Сын покупает для него все необходимое, управляет хозяйством, платит жалованье слугам — и только что купил ему билет на поезд. Ему же до всего этого дела нет. Он живет, не пользуясь деньгами, и потому вполне доволен собой ³.

Интересно, что в том же номере журнала, где была помещена эта заметка, напечатана статья самого Толстого. Следует отдать должное широте его взглядов: он продолжает сотрудничать в этом журнале ⁴.

В другом случае Толстому пришлось хуже. Это произошло в 1885 году, вскоре после того, как его обращение в христианскую веру нового толка сделалось общеизвестным и когда его имя было у всех на устах. Вышел из печати очередной том собрания его сочинений, в котором находилась, между прочим, знаменитая «Смерть Ивана Ильича» и другие произведения, в какой-то мере бросающие свет на перемену в мировоззрении писателя ⁵. Публика, разумеется, бросилась покупать эту книгу. Тут, к всеобщему и величайшему удивлению, стало известно, что этот том нельзя приобрести в одиночку, как продавались все прочие тома, а чтобы получить его, следует купить все собрание сочинений целиком! Это вызвало большое возмущение, особенно среди читателей в провинции, которым книгопродавцы не могли толком ничего объяснить. На несчастных книгопродавцов обрушилась лавина гневных писем: читатели обвиняли их в спекуляции популярностью великого писателя. Кое-какие из этих писем были опубликованы в русских газетах, и в ответ на них книгопродавцы заявили, что они тут ни при чем, а просто выполняют указания законных представителей писателя.

Все были поражены этим сообщением. Всех потрясло, что человек, принципиально отрицающий право на собственность, в жизни оказался беззащитным дельцом. К счастью, вскоре выяснилось, что сам Толстой не имел к этому никакого отношения. Это устроила графиня, которая сама ведет переговоры с книгопродавцами и имела неосторожность нарушить все традиции книжной торговли. Она скоро сняла злосчастный запрет, но это не умилиствовало нападавших на Толстого. В «Новостях», одной из главных петербургских газет, известный русский критик уподобил поведение Толстого образу действий бесчестного банкрота, который, чтобы не платить долгов, переводит свое имущество на имя жены ⁶.

Однако нападки эти несправедливы по существу. Следует помнить, что Толстой отрицает собственность как сектант, а не как социальный реформатор. Критики, обвинявшие его в сугубой непоследовательности, приписывали ему взгляды, которых он не имел. Собственность, по Толстому, дурна сама по себе, она греховна и безнравственна, как таковая, а не

потому, что находится в руках немногих, или что обладатели собственности скверно ею распоряжаются. Деньги, этот яд, убивающий душу, губительны для всякого, кто их имеет.

В одном из своих народных рассказов Толстой выразил это воззрение со свойственной ему мужественной прямоотой и тем великолепным презрением к здравому смыслу, которое встречаешь только у сектантов. Два брата находят клад — кучу золота. Один в ужасе бежит прочь. Это — мудрый герой рассказа. Другой, с житейской точки зрения, человек хороший и добродетельный, решает иначе. Он берет золото, чтобы употребить его как можно лучше для блага ближних, и тратит его на разные филантропические затеи: больницы, приюты для стариков и увечных и т. п. Но ангел, появляющийся, чтобы произнести мораль к этой притче, объявляет его глупцом и грешником, ибо он заботился только о материальных благах, не замечая духовного зла, и хвалит другого брата, бежавшего от искушения ⁷.

Что может быть нелепее и, если хотите, эгоистичнее? Но учение Толстого предельно четко и категорично, и Толстой во всех своих поступках неукоснительно ему следует. Отдать свою собственность другому, будь то отдельная личность или группа лиц, — все равно, что содрать с себя зараженную одежду и раздать ее друзьям. От собственности нужно просто отказаться, бросить ее, бежать от нее. Если же кто подберет брошенное богатство, тем хуже для него. В случае же с самим Толстым, брошенное им имущество, стоимость которого он, кстати сказать, сам определил в «Исповеди», примерно в шестьсот тысяч рублей (т. е. четыреста пятьдесят тысяч долларов) — подобрала его собственная семья ⁸.

Хотя родные Толстого не разделяют его взглядов, они продолжают его любить и уважать, так что фактически ежегодный доход в шестьдесят тысяч рублей, — свыше сорока тысяч долларов, — находится по-прежнему в его распоряжении. При таких обстоятельствах его отказ от собственности приобретает фиктивный характер, а претензия зарабатывать себе на жизнь физическим трудом теряет всякую серьезность. Это странное и даже смешное положение вещей, которое так повредило его моральному престижу среди русской молодежи, может служить прекрасной иллюстрацией ограниченного и антисоциального характера его учения. Дело вовсе не в личной слабости или непоследовательности, приписываемых Толстому его противниками, при молчаливом согласии даже таких его защитников и доброжелателей, как Джордж Кеннан ⁹.

Толстой, безусловно, человек очень твердый и серьезный. Дело у него не расходится со словом, подчас он даже совершает более того, что обещает. Но ему не всегда удается подчинить свою мужественную страстную натуру требованиям абсолютной апатии, которая является неотъемлемой частью его учения о непротивлении злу.

В России проявляют интерес только к практическим выводам из этого учения, только их и обсуждают. К религиозным же взглядам Толстого, на которых основана его практическая философия, свободомыслящие образованные русские люди проявляют совершенное безразличие.

Им нужно другое — разрешение жгучих моральных и социальных вопросов. Толстой предлагает свое, и о нем судят, совершенно не интересуясь тем, откуда взял его Толстой: из Евангелия, или Зенд-Авесты, или сам до него додумался.

У меня был знакомый русский, который сам проповедовал новое верование и более всего интересовался именно теологической стороной учения Толстого. Он провел у Толстого в Ясной Поляне две недели, и почти все это время прошло в религиозных спорах. Этот мой соотечественник и большой друг, чью жизнь и героическую, можно сказать,

ТОЛСТОЙ — АВТОР «ТАК
ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?»
«КАКОВА МОЯ ЖИЗНЬ?»)

Карикатура Манюэля Люка
из серии «Современные дея-
тели в изображении Люка».

Журнал «Caricature»
от 24 марта 1888 г.

Карикатура была воспроизведе-
на в журнале «Будильник»
(1888, № 11) с подписью: «Мода
на все русское во Франции.—
Рисунок из „Caricature“ после
постановки „Власти тьмы“».

классическую, смерть я когда-нибудь опишу, был Уильям Фрей, энтузиаст и пропагандист «Религии человечества», которую исповедовал Огюст Конт¹⁰.

Осенью 1885 года Фрей приехал в Россию для распространения этой своей религии. В его руки случайно попал один из рукописных экземпляров толстовского «В чем моя вера?». Увлеченный и очарованный искренностью и прямоотой автора, Фрей решил попытаться обратить Толстого из последователя Христа в адепта Религии человечества. Он написал Толстому на эту тему длинное письмо или, скорее, целый трактат. В ответ пришло телеграфное приглашение приехать в Ясную Поляну для личной встречи. Телеграмма была подписана: «Ваш брат Лев Толстой»¹¹.

Толстой, как видно, на самом деле признал в Фрее своего брата по духу, одного из очень немногих людей, придерживающихся передовых убеждений и, в то же время, жаждущих определенной религии. Личное знакомство укрепило это чувство, хотя, само собой разумеется, им не удалось переубедить друг друга.

Встретились они самым дружеским образом. Когда экипаж, посланный за Фреем к вокзалу, остановился у ворот толстовской усадьбы, навстречу ему вышел рослый широкоплечий седоволосый крестьянин с длинной, спускавшейся на грудь бородой и воскликнул, протягивая Фрею руку:

— Вы — первый противник, встречающий меня с открытым забралом.

Тут только Фрей догадался, что старик-крестьянин, чье простое, энергичное лицо, обветренное и загорелое, так гармонировало с его одеждой, и был сам граф Толстой. Толстой повел гостя к себе в комнату, единственную, которую он считает своей. Это очень просто обставленное, но довольно большое помещение, разделенное ширмой на две половины: книжную, где находится его письменный стол и небольшая библиотека, и рабочую, где граф держит свой станок с сапожными инструментами, колодками и прочими орудиями своего нового ремесла. Толстой помог гостю снять верхнюю одежду, принес ему воды помыть руки и сам вынес потом таз. Он принципиально не признает домашней прислуги.

Они стали беседовать и спорить и проговорили до вечера. Затем Толстой повел Фрея в другую часть дома и познакомил его со своей семьей. Убранство комнат, далеко не роскошное с английской точки зрения, тем не менее резко отличалось от спартанской обстановки кабинета Толстого. За столом служили лакеи во фраках, и Толстой, вышедший к обеду в своей крестьянской рубашке, составлял удивительный контраст с окружающим.

Из всех детей Толстого только одна дочь приняла его учение и усвоила его образ жизни: не ест мяса и работает, как он, в поле у наиболее нуждающихся из крестьян¹². Сын доводы отца выслушивал, но не следовал им. Когда молодой человек, успешно окончив курс в петербургском техническом училище, приехал домой и спросил отца, как ему лучше применить полученные знания, Толстой посоветовал ему взять лопату и помочь крестьянам расчищать дороги от снега! — Дело было зимой. Будь это летом, Толстой посоветовал бы сыну копать канавы или вспахать десятину-другую поля, отложив в сторону все, чему он выучился в институте¹³.

На интеллектуальное богатство, цивилизацию и науку Толстой смотрит так же, как на материальное: для него это нечто совершенно бесполезное и даже вредное. Будучи истинно восточным человеком, он считает единственными учителями человечества только тех, кто, как библейские пророки, как Иисус Христос, как Будда, Конфуций и другие, преподают нравственные истины, утверждая, что одни они и нужны людям, стремящимся счастливо жить и хорошо умереть.

Совершенно по-разному протекает жизнь одной и другой части толстовского семейства. К графу в его собственном доме относятся как к почетному гостю. Но и гостю ведь не пристало безделье. Поэтому граф старается возместить расходы на свое содержание работой в саду, или в поле, или сапожничеством. Когда вся семья переезжает на зимние месяцы в Москву, граф колет и разносит дрова для всех печей большого дома. Таким образом он дает графине возможность сэкономить сорок копеек (примерно двадцать центов) в день, что составляет, по его расчетам, стоимость его питания. Толстой считает, что только физический труд дает человеку право садиться за стол с другими людьми. Работники умственного труда, люди «без мозолей на руках», должны питаться подаяннем, «объедками»¹⁴.

Но такой чуткий к правде и неправде, такой полный жизни человек, как Толстой, не может удовлетвориться искусственным самоустраниением от зол мира сего. В день приезда Фрея в Ясную Поляну туда явился еще один посетитель — издатель, приехавший, чтобы окончательно договориться с графиней об авторском праве. Фрей ушел в комнату Толстого, но еще долго слышал доносившиеся из гостиной громкие и горячие споры — Толстой пытался, очевидно, внушить договаривавшимся сторонам свою точку зрения.

Уставший после долгого путешествия, Фрей разделся, лег на жесткий диван, укрывшись пальто и, подложив под голову руки вместо подушки,

вскоре заснул. По части ригоризма Фрей перегнал Толстого. На утро Толстой признался ему, что очень удивился, когда, поднявшись к себе, увидел, что можно так сладко спать без всяких удобств. Он постоял некоторое время, глядя на Фрея, тихо спавшего, «не храпевшего и не свистевшего носом», и подумал, что у этого человека совесть, должно быть, чиста. Потом Толстой принес матрас и подушку и положил их рядом на стол, чтобы, если гость проснется среди ночи на своем жестком ложе, он мог устроиться поудобнее, бережно укрыл его одеялом и удалился, полный восхищения.

Толстой, как известно, на свою прежнюю литературную деятельность смотрит с презрением. Он прекрасно понимает, какое место принадлежит ему в рядах писателей, но, сделавшись пророком, он, как свойственно всем пророкам, стал пренебрежительно относиться ко всякой легкой литературе вообще и к своим собственным сочинениям в частности. Рассказывая Фрею о переговорах с издателем, он с недоумением и огорчением упомянул о большой сумме, выплаченной за «эту чепуху» — и указал на свои романы, стоявшие на полках у него в комнате.

Когда Фрей, будучи учеником другого пророка, признававшего образование, стал горячо утверждать великое нравственное влияние искусства, Толстой с огорчением признался, что старая закваска дает еще о себе знать и что он даже пишет повесть.

— Я не могу иначе, — сказал он, — чтобы освободиться от того, что гнетет мою душу, мне нужно все изложить на бумаге.

Впрочем, почти вся литературная деятельность автора «Войны и мира» сводится теперь к писанию небольших народных рассказов. Когда Фрей посетил его, Толстой как раз писал такой рассказ, но что-то не ладилось, и он сказал по этому поводу:

— Чтобы писать хорошо, мне необходимо, во-первых, очень ясно видеть перед собой тех, для кого я пишу, во-вторых, тех, о ком я пишу, и, в-третьих, сохранять критическое отношение к тому, что я пишу.

Как раз третье ему в то время не удавалось.

За последние несколько лет Толстой написал около двух десятков небольших рассказов для народного чтения. Не все они выдерживают сравнение с другими его произведениями. Есть среди них вещи довольно слабые, есть слишком перегруженные философией и потому малохудожественные.

Но лучшие из них — настоящие шедевры и могут служить образцами истинно народной литературы, представляя собой лучшее, что в ней создано.

Толстой сразу завоевал внимание народа. Его рассказы расходятся в сотнях тысяч экземпляров и читаются крестьянами с большой жадностью. Справедливости ради необходимо отметить, что при издании этих рассказов автор позаботился практически осуществить свои взгляды на литературную собственность. Он не ограничил права публикации этих рассказов, разрешив перепечатку их всякому, с одним только условием — извещать об этом постоянного издателя произведений Толстого, чтобы автор имел возможность контролировать литературную сторону издания.

Своим примером, которому охотно последовали многие русские писатели, своими личными усилиями, советами и помощью в издании книг для народа Толстой много содействовал и содействует развитию нашей народной литературы ¹⁵.

Это, в сущности, единственный благой и ощутимый результат духовного перелома, пережитого нашей своеобразной северной знаменитостью.

ГРАФ ТОЛСТОЙ КАК ПИСАТЕЛЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР

Среди писателей всех времен лишь немногим удавалось приобрести в короткий срок такую власть над сердцами и мыслями своих современников, как графу Толстому.

Каких-нибудь пять-шесть лет тому назад он был почти неизвестен за пределами своей родины. Другой великий русский писатель — Тургенев — сумел увлечь воображение наций, опередивших нас в историческом развитии, и вызвать у них симпатию к русскому народу, показав, что он далеко не таков, каким его представляли иноземцы. Шедевр Толстого «Война и мир», появившийся во французском переводе в 1877 году, не вышел за пределы круга профессиональных литераторов¹⁶. Благоговеющее внимание всего читающего мира Толстой завоевал сначала в качестве проповедника новой религии.

Среди всеобщей погони за чинами, богатством, известностью особенно сильное и трогательное впечатление произвело то, что писатель на вершине славы, в полном расцвете творческих сил, жертвует своей литературной карьерой ради каких-то нравственных убеждений и принимается тащить сапоги, пахать землю, возить навоз на поля своих бедных соседей-крестьян, а в свободные часы сочинять не романы, доставляющие ему громкую славу, а религиозные трактаты в виде кратких притч для народного и детского чтения.

Публика жадно искала объяснения этим необычным поступкам; поэтому этические и автобиографические сочинения Толстого, в которых раскрывалась внутренняя эволюция этого глубокого, самоаналитического ума, встретили прием, редко выпадавший на долю какой бы то ни было книги. Люди, увлеченные пророком, естественно, захотели познакомиться и с романистом, и тогда стало ясно, что в основе художественных произведений Толстого лежат те же понятия, какие он выразил в последние годы в форме религиозного учения, с той только разницей, что казавшееся сомнительным, односторонним, фантастическим в его религии, представлялось убедительным, последовательным и цельным в волшебном освещении искусства. Не удивительно, что читатели были очарованы и некоторое время видели в Толстом человека, несущего миру новые откровения. Наконец-то, казалось, великое и таинственное неизвестное, именуемое русским народом, нашло истолкователя и выразителя своих сокровенных чувств и мыслей. Толстой был объявлен русским национальным писателем, превыше всех других.

Что же касается Тургенева, столь понятного западному читателю и столь далекого по общему направлению его творчества от Толстого, почтенная публика не замедлила сообразить, что, прожив много лет в Париже, он сделался больше французом, чем русским.

На самом же деле, оба наших великих писателя национальны: они выражают две основные стихии нашей национальной жизни. Тургенев представляет западный, иначе говоря, европейский элемент, уже довольно сильный в современной России и все более усиливающийся с каждым поколением, распространяясь от высших классов к народным массам. Толстой же, наоборот, — самый полный выразитель противоположной стихии — того восточного элемента, который хоть и изживается понемногу, но все еще пока преобладает среди миллионов русских крестьян.

В чем же состоит восточный элемент?

На мой взгляд, самым характерным, хоть и внешним его проявлением является пассивная покорность перед бедствиями внешнего мира, отсутствие охоты к борьбе с ними, коренящиеся в том, что принято называть фатализмом¹⁷.

Фатализм, бесспорно, есть черта восточного характера вообще, а не свойство какой-то определенной древней расы или религии; он так же присущ русским крестьянам, как и обитателям Аравийской пустыни. Он порожден, как видно, той особой формой зависимости от природы, которая характерна для огромных и единообразных (в географическом отношении) стран, где нет ни средств сообщения, ни разнообразия занятий, ни разделения труда, где люди влачат жалкое, нищенское существование, добывая себе хлеб насущный исключительно земледельческим трудом, и, подобно комарам и гусеницам, зависят от гнева и милости неба. В таких обстоятельствах чувство зависимости от неведомых и непостижимых сил только и может выразиться в фатализме — вере в нечто безликое, непреложное, неотвратимое, совершенно бесчеловечное, недоступное ни мольбам, ни жалости.

И вот человеческий дух в своей неистощимой находчивости обращается к самому себе и в собственных глубинах находит защиту и прибежище, развив в себе чувство превосходства и безразличия перед всеми возможными бедствиями. Выбатывается энергия спокойной выносливости, не менее мощная, чем энергия деятельного сопротивления, возникающая в странах с более благоприятными условиями для активной борьбы. Не имея возможности защитить тело от физических страданий, лишений и неудобств, дух отделяется, так сказать, от тела и устремляется ввысь, в те горние края, где его невозмутимая ясность не может быть смущена никакими страданиями, никакими земными горестями, ни даже смертью.

Такова основа восточной философии. Это искусственное обособление духовного от телесного, создание своего рода тепличных условий для развития духа до пределов, в естественных условиях недостижимых.

Это восточное начало, привитое к крепкому полному жизненным сил стволу материалистической по своей сущности греко-римской культуры, сделалось возбудителем новой жизни, нового прогресса и придало нашей цивилизации разнообразие и глубину, которых она иначе бы не достигла. Но само по себе оно неспособно создать ничего, кроме безнадежности и мертвого застоя.

Толстой — это художник величайшей творческой силы, в котором как бы возродился дух древних восточных пророков, суровый, несокрушимый, непреклонный. Вся литературная деятельность Толстого — это восстановление и утверждение прав Востока против наступающего западного духа.

Я вынужден, к сожалению, пройти мимо его ранних произведений: «Казаков», «Поликушки», «Семейного счастья» и других. Все это — замечательные проявления творческого гения, не уступающие в художественном совершенстве, соразмерности, гармонии деталей шедеврам Тургенева; к ним не прибавишь, от них не убавишь ни слова, каждый мазок способствует успеху целого. Мы не найдем этой стройности в больших вещах Толстого, менее совершенных по художественной отделке, хотя стоящих несравненно выше по творческой поэтической силе.

В этих ранних вещах обнаруживается та же философия, которая позднее выступит на первый план. Она проявляется и в сердитых выпадах против цивилизации, и в тяге к чему-то лежащему за пределами интеллектуальных стремлений человека.

И все же непосредственные впечатления жизни были еще настолько сильны и ярки у молодого художника, что не оставляли места для мрачных нот «жизни во смерти» восточного пессимизма. Эти ноты звучали с полной мощью в величайшем из произведений Толстого — романе «Война и мир», на котором мы теперь остановимся, ибо в нем художник и пророк действуют бок о бок, оба во всю силу, и еще не теснят друг друга.

«Война и мир» — это огромное нескладное произведение, в котором находится, по крайней мере, три романа, слепленных в один, да еще целая масса сухой и скучной философии и военной истории, с описаниями походов и сражений и даже с настоящими картами и планами. Но при всех этих явных пороках построения, целое является, как сказал Тургенев, пожалуй, величайшим произведением русской литературы со времени Гоголя¹⁸.

Толстой в высочайшей степени одарен самым существенным и единственным существенным качеством великого художника — способностью создавать живое, живых людей. Перо в его руке — это поистине волшебная палочка, одним взмахом, одним прикосновением своим дарующая жизнь. Тургенев превосходит Толстого тонкой и разнообразной обрисовкой персонажей, Достоевский — мастерством внутреннего портрета. Психологический анализ Толстого — да простят мне его поклонники — слаб и невыразителен, потому что раскрывает не душу действующего лица, а собственные мысли автора. Но среди величайших писателей мира мало найдется равных Толстому — и нет никого, кто бы превосходил его — по скульптурной пластичности, по чудесной способности сообщить своим героям то неуловимое нечто, которое делает их вечно живыми.

Откроем первую главу «Войны и мира» — описание вечера у Анны Шерер, фрейлины императрицы. На первых трех страницах Толстой знакомит нас с тремя из главных действующих лиц романа: хозяйкой дома — Анной Шерер, отцом красавицы Элен — князем Василием и основным героем романа — Пьером, впоследствии графом Безуховым. Каждому уделено не более четырех-пяти строк, а они так ясно стоят перед нами, что случись нам встретить их на улице, мы бы сразу узнали их.

Чем обширнее картина, тем больше в ней лиц, и чем меньше времени отпускает Толстой каждому из них, тем поразительнее общий эффект.

Картины войны у Толстого представляют собой поэтому нечто совершенно невиданное в литературе. Темные громадные толпы людей, занятых страшной работой взаимного уничтожения, вдруг словно освещаются электрическим светом, и мы видим их точно такими, каковы они в действительности — в сражении и на отдыхе, в азарте боя и в поражении. Это эпопея войны, освобожденной от всяких прикрас, — не только психология войны, но и ее анатомия. Только прочитав Толстого, мы понимаем, что такое война.

Изображение войны — самое сильное и оригинальное в этом великом романе Толстого. Но в художественном отношении — не лучшее. Каким бы трудным ни было изображение внешних действий и внутренней психологии толпы, высочайшим достижением во всяком искусстве является изображение отдельных людей, отдельных лиц и характеров.

Не на войне, а в мире, за пределами поля боя, живут и развиваются бессмертные создания Толстого: Наташа, Пьер, княжна Марья, Курагины и многие другие*.

Недостаток времени не позволяет мне остановиться на эстетической стороне этих непревзойденных по красоте и силе образов. Нам следует скорее перейти к философии Толстого, как она проявилась в этом романе, к тому восточному элементу, который столько способствовал его популярности за пределами его отечества. Этот элемент тонет в ярком блеске красок, в беспредельном богатстве жизни этой замечательной эпопеи, и его сначала можно совершенно не заметить, но в развитии характера главного героя — Пьера Безухова — он играет большую и заметную роль.

* На этом текст белого автографа заканчивается; продолжение статьи дается по тексту черновой рукописи, который содержит много недописанных слов, дополняемых по смыслу и на основании подготовительных набросков, сохранившихся в бумагах Степняка. — *Ред.*

Through FAMINE STRICKEN RUSSIA

By
W Barnes Steveni

THIS VOLUME
IS
INSCRIBED
TO
COUNT TOLSTOI,
THE MUZHNIK'S FRIEND

*St.
Exempt des Tolstoi,
avec M. Radzko
chaque semaine
Rev. d. n. m. m. m. m. m.
St. Petersburg, 1911/12*

КНИГА У. БАРНСА СТИВЕНИ «ПО ГОЛОДАЮЩЕЙ РОССИИ» (ЛОНДОН, 1892)

Титульный лист, форзац с посвящением: «Эта книга посвящается графу Толстому, другу мужиков» и дарственная надпись:

«Графу Льву Толстому с искренним уважением и добрыми воспоминаниями от автора. С.-Петербург, 15/XII 93 г.»

Личная библиотека Толстого. Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Устами Пьера говорит сам Толстой. Мысли Пьера, его искания и тревоги — это тревоги, искания, мысли самого писателя. Но Пьер, в отличие от Левина, князя Андрея и некоторых других героев Толстого, имеет самостоятельную жизнь, это один из немногих образов в произведениях Толстого, в которых философский элемент составляет органически необходимую часть.

Сначала Пьер является нам настоящим европейцем, человеком, который воспитывался в Париже и проникся либеральными идеями своего времени, больше походит на француза, чем на русского, и верит в действительность внешнего, верит в необходимость свободы, хорошего государственного устройства, справедливых законов. К концу романа он постепенно освобождается от этих «заблуждений». Большое личное горе заставляет его заняться самоанализом и искать счастья там, где больше восточного квиетизма и самоуглубления — он становится масоном. Но это лишь этап в его развитии. В масонстве все же слишком силен западный элемент. Пьер находит спасение на другом пути.

В занятой французами Москве Пьера схватили и арестовали как поджигателя. На глазах у него расстреляли пятерых несчастных, таких же ни в чем не повинных людей, как и сам он. Почти чудом избежав их участи, он снова оказался в заключении. Там, сидя в темном бараке, разбитый, измученный, не в силах оторваться от страшных воспоминаний, он увидел Каратаева.

Этот-то человек и обращает Пьера, перестраивая его душу по собственному образу и подобию, — насколько душа высокоодаренного и образованного человека может быть уподоблена душе дурачка. Пьер воспринимает от него полностью восточный квиетизм, безразличие ко всем внешним обстоятельствам, как физическим, так и нравственным. Одна небольшая сцена особенно хорошо рисует его новое умонастроение. Он — пленный, угоняемый прочь от родины, тащится в арьергарде отступающей французской армии, питаясь падалью, еле передвигаясь на стертых до крови и обмороженных босых ногах, измученный так, как только может быть измучен человек людьми. Но что ему этот сарайчик, в который его запирают? Он видит небесный свод и огромный город. Все это остается в его сознании, в его душе, и все это хотят запереть в деревянном балагане. Как это нелепо, как смешно! И Пьер громко захохотал. — Ха-ха-ха! — смеялся Пьер. — Ха-ха-ха!...

Восточный факир не мог бы сильнее ощутить тщету окружающего. Обращение завершилось. Восток победил. Пьер достиг совершенства.

Другой герой романа, князь Андрей, также находит утешение и разрешение всех своих душевных тревог в восточном квиетизме. Одна из самых волнующих сцен романа, смерть князя Андрея, который приводит в ужас свою сестру и невесту отчужденностью от всего земного, — тоже дань восточной философии. Но присутствие смерти заслоняет философию, и это место остается одним из самых сильных в романе, не превращаясь в наглядное поучение.

Все же Толстой делает уступку жизни, и его герой Пьер, пережив острый приступ ориентализма, вновь становится живым среди живущих. Толстой удовлетворился тем, что показал в качестве идеала тихое семейное счастье, жизнь ради жизни, где высокие полеты юных страстей и порывов сменились скромной радостью, которую родители находят в своих детях — продолжателях рода.

В Наташе, прелестной героине романа, которую нельзя не любить, против обаяния которой не устоял даже чопорный и суровый мистер Тернер, преподаватель английского языка в Петербургском университете¹⁹, — этот идеал находит живое олицетворение. Говоря попросту, она девушка с сильным инстинктом материнства, стремящаяся стать матерью. Это зву-

чит непоэтично, даже хуже — пошло. Но вспомните, что природа соединила любовный инстинкт с высочайшими и благороднейшими чувствами, какие способен испытывать человек. Состязаясь с природой, писатель создал свою Наташу — один из самых прелестных и привлекательных образов, порожденных творческой фантазией.

Женщины живут на свете не только для осуществления материнского инстинкта. Но этот инстинкт, несомненно, играет большую роль в их жизни, и толстовская Наташа со своими девичьими капризами, причудами и мечтами, и последующим успокоением представляется нам одним из воплощений того, что Гете назвал вечной женственностью, и — необходимо добавить, потому что все на свете несет на себе печать национальности, — типом русской или, скорее, славянской, восточной женщины. Девушка англо-саксонской расы оказалась бы более терпеливой и упорной, менее увлекающейся, словом, более похожей на Соню, чем на Наташу.

Тихая гавань, в которой после долгих бурь Наташа находит успокоение, — ее брак с Пьером и заботы о детях. Толстой совершенно доволен ею, как и Пьером, которому он отпускает немалую долю радостей цивилизованного человека и даже позволяет вернуться отчасти к старым мечтам о более широком счастье: Пьер принимает участие в движении умов, подготовившем восстание декабристов. Повествование заканчивается беглыми намеками на будущее восстание — явление, несомненно, чисто западного порядка.

Толстой менее терпим в своем следующем большом романе — «Анне Карениной». Это роман «с идеей», и мораль преподана в нем двояко: отрицательно — в истории незаконной связи Вронского и Анны, заканчивающейся самоубийством женщины и изгнанием ее злополучного соучастника, и положительно — в истории четы Левиных.

Левин начинает с того, чем кончают Пьер и Наташа, — с счастливого супружества с хорошенькой простушкой Кити, которая, впрочем, становится превосходной хозяйкой и нянькой. Но он не находит ни удовлетворения, ни покоя, и прямо несчастен — до такой степени, что он, счастливый супруг и глава благополучной семьи, думает одно время о том, чтобы покончить жизнь самоубийством. Как потом рассказал сам Толстой, и это, и то решение вопроса, к которому пришел потом его герой, — факты его собственной жизни²⁰.

Левина мучат великие тайны жизни и смерти, смысла человеческого существования. Вся его история — подготовка к постижению этих тайн. Открывает ему их крестьянин Федор, который по отношению к Левину играет ту же роль, что Каратаев по отношению к Пьеру. Его решение заключается как бы в растворении индивидуальности, гордой своей обособленностью, среди народа, в принятии ею его веры, наивной этики и бездумно передаваемых из рода в род обычаев, его бесконечного тяжелого труда как необходимого условия для душевного здоровья, для подавления волнений возбужденной фантазии и умственной гордыни.

Параллельно с этой образцовой парой нам показываются другие пары, которые не только не стремятся к постижению высоких нравственных истин, но нарушают и общепринятые нормы нравственности — либо открыто, как Анна с Вронским, — либо тайно, как Облонский и многие другие. Их отрицательный пример должен служить выявлению той же морали, которую олицетворяют положительные образы Левина и его жены. Весь роман — это проповедь, и назначение каждой части его в том, чтобы внушать как можно убедительнее те или иные моральные доктрины.

Странная вещь произошла с этим романом, печатавшимся частями в ежемесячном журнале. Это было крупнейшим событием года. Вся читающая публика упивалась романом. Но никто не заметил в нем никакой назидательной тенденции. Напротив, среди критики и читателей обозначи-

лось два лагеря: одни хвалили автора за его беспристрастие и объективность, другие порицали его за безыдейность. Это могло бы показаться невероятным, если бы не подтверждалось документальными свидетельствами ²¹.

Лишь когда роман вышел отдельным изданием, с этим жутким эпиграфом из Ветхого Завета и с заключительной главой, такой же сухой и наполненной философией, как приложенное к «Войне и миру» рассуждение о войне, критики и читатели заметили свою ошибку и обнаружили в романе идею. Впечатление, произведенное романом, от этого не стало, разумеется, сильнее. Могучий талант Толстого оказался его врагом. Богатство жизни, сила чувств, глубокий трагизм изображенной им драмы затмили мораль, которую он хотел преподнести. Странное и поистине трагическое положение вещей для писателя, который так стремится поучать — и так не хочет попусту развлекать своих ближних! Должно быть, ему был очень горек чисто литературный успех его романов.

Раз он не смог подчинить в себе художника пророку, естественный выход был один — бросить предательское искусство и прямо выступить с проповедью, простой, без прикрас.

Некоторые люди так устроены, что вступают в борьбу сами с собой и сами себя побеждают. Такова натура и графа Толстого.

После «Анны Карениной» он молчал несколько лет, упорно размышляя над своей неудачей, ища выхода для своих новых еретических идей, и, наконец, сбросил маску и выступил в качестве апостола новой веры. На этот раз мир прислушался — с удивлением и почтительным вниманием. Прежде в учении Толстого не хватало конкретного, личного элемента, теперь этот пробел заполнился его собственной могучей личностью, и тысячи, миллионы людей обратились к нему в надежде узреть свет истины. Толстой сделался величайшей нравственной силой в России. Его имение, Ясная Поляна, стало местом паломничества, куда стекались целые толпы посетителей, всегда находивших приветливый прием.

Визит Фрея ²².

Толстой рассказал нам трогательную историю того, как дух осенил его, как он, перечитывая Нагорную проповедь в Евангелии от Матфея, воспринял вдруг столько раз повторявшиеся им прежде бездумно слова «Не противься злу» как все осветившее откровение. Он утверждает, что тогда и произошло его обращение и что в основу его учения лег принцип непротивления злу ²³. Однако, вспомнив его прежние произведения, мы уже в них найдем зародыш этого мировоззрения, хотя бы, например, в той сцене, когда Пьер расхохотался при мысли, что кто-то собирается поймать, запереть его бессмертную душу.

Счастье человека в нем самом. Внешние бедствия не имеют над ним власти. Бесполезно, поэтому, стремиться к внешним благам, обеспеченности. Не нужно ни законов, ни государства, ни судилища, ни войны...

Дальше пойти в этом направлении, кажется, было невозможно. Все же Толстой сделал еще шаг, сильно поразив сначала многочисленных своих друзей и почитателей. Я имею в виду «Крейцерову сонату». Нет смысла рассматривать ее как художественное произведение. Это проповедь в форме диалога, и с этой точки зрения следует ее воспринимать. У меня нет времени, да, признаюсь, нет и желания, обсуждать ее многочисленные недостатки и немногие художественные красоты. Я буду говорить о ней, как о нравственном трактате, и начну с того, что не разделяю всеобщего негодования, вызванного этой книгой ²⁴. На мой взгляд, это глубоко нравственное произведение, каждая строчка которого внушена чистейшим желанием блага людям. Я читал в оригинале полный текст, без изъятий ²⁵. Не скажу, чтоб мне понравилось все. В книге, действительно, есть места дурного тона. Что ж, дурной тон можно обнаружить и в проповедях

Иоанна Златоуста. Пророкам, страстно увлеченным проповедью, некогда думать об угождении ревнителям хорошего тона.

Называть можно все, что существует, говорить можно обо всем, что совершается на земле. Все дело в том, с какими чувствами и мыслями, в каких целях это говорится.

В самых безобразных страстях, описываемых в этой книге, я вижу лишь творческое воображение великого писателя. В этом смысле время, конечно, восстановит справедливость. Но я понимаю, что многие из читателей «Крейцеровой сонаты» должны были испытать смущение и недоумение, знакомясь не только с аргументацией автора, но и с выводами, к которым он приходит²⁶. А ведь это — условие и необходимое следствие всей его философии. Аскетизм, презрение к жизни, безбрачие — все это естественный результат того восточного мировоззрения, которое знала и Европа и от которого она покуда только наполовину успела освободиться.

Приняв это мировоззрение, Толстой лишь завершил цикл развития, совершавшегося до него. Он сам, в своей неуклонной последовательности, открыл своим ученикам глаза на слабость своего учения.

Мы не узнаём от Толстого ничего нового. Он лишь повторяет — пусть более внушительно — то, что уже было сказано задолго до него. Он представляет собой интересное явление, но отнюдь не новую силу в современной жизни.

Пройдет немного лет, и забудут Толстого-философа, провозвестника религиозных идеалов, уводящих назад в далекое, уже чуждое нам прошлое. Но Толстой-художник, создавший произведения, благодаря которым каждый из нас живет за десятилетия, останется в веках и всегда будет вызывать восторг и восхищение, возбуждать вдохновение и будить мысль.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Название «Свет России», по-видимому, дано Степняком по образцу заглавия получившей в то время большую популярность книги Э. А р н о л д а «Свет Азии», представляющей собой стихотворный пересказ индийских легенд о Будде («Light of Asia». London, 1879; 2 изд. — 1888).

² На английский язык «В чем моя вера?», «Исповедь», а также упоминаемое ниже «Краткое изложение Евангелия» были впервые переведены при участии и под редакцией В. Г. Черткова и вошли в изданный им в Англии сборник философско-этических произведений Толстого «Christ's Christianity». London, 1885.

³ Это «забавное описание» мы встречаем в первой главе романа «За идеалом», принадлежавшего перу одного из редакторов «Русского богатства», Л. Е. Оболенского, который писал под псевдонимом — М. И. Красов (см. «Русское богатство», 1885, № 9, стр. 41—46). Через несколько месяцев редакция сочла нужным выступить с заявлением, что вовсе не Толстой, а образчик современного мятущегося интеллигента «выведен Л. Оболенским („За идеалом“) мельком, а пророс, в виде случайного пассажира в вагоне, выведен не в качестве ученого, или философа, или критика, а в качестве человека, увлекшегося одним из модных учений» (1886, № 1, стр. 215—216).

⁴ В тех же книжках «Русского богатства», где печатался в 1885 г. роман Оболенского (№ 9—12), были опубликованы статьи Толстого (представляющие собой отрывки из «Так что же нам делать?») «Из воспоминаний о переписи» (№ 9, 10) и «Деревня и город» (№ 12).

⁵ Имеется в виду 12-й том пятого собрания сочинений Толстого (первого выпускавшего его женой). Он вышел в свет в апреле 1886 г.

⁶ Речь идет о статье А. М. Скабичевского «Литературные итоги за 1886 год». Он писал: «Прискорбная история с двенадцатым томом, обнаружившая в г-р. Л. Толстом если не лицемерие мнимого бессребренничества, то, во всяком случае, такое младенческое отрешение от всех дел и забот практической жизни, при котором ничего не стоит людям торговать идеями графа, как им бог на душу положит...» («Новости и биржевая газета» 1 января 1887 г., стр. 1).

⁷ Один из «Текстов клубным картинкам» — «Два брата и золото» (т. 25, стр. 28—30).

⁸ О размерах своего состояния Толстой упоминает не в «Исповеди» в «Так что же нам делать?» (т. 25, стр. 241).

⁹ О Джордже Кеннане см. выше, на стр. 416—420 настоящ. тома.

¹⁰ Уильям Фрей (В. К. Гейнс, 1839—1888) гостил в Ясной Поляне с 7 по 12 октября 1885 г. О своих разговорах и переписке с Толстым он рассказывал в Лондоне Степняку, с которым подружился после своего возвращения из России в 1886 г. См. об этом в «Лит. наследстве», т. 69, кн. 1, стр. 533—536. См. также в неопубликованном письме Фрея к А. М. Калининковой (ЦГАЛИ, ф. 258, оп. 3, ед. хр. 141) подробности о его беседе с Толстым 9 октября 1885 г.

¹¹ Текст этой телеграммы в полное собрание сочинений Толстого не включен.

¹² Имеется в виду Мария Львовна Толстая (1871—1906).

¹³ Ср. С. Л. Толстой. Очерки былого. М., 1956, стр. 147.

¹⁴ Имеется в виду толстовская «Сказка об Иване-дураке», которая заключается словами: «У кого мозоли на руках — полезай за стол, а у кого нет — тому объедки» (т. 25, стр. 138).

¹⁵ Издание дешевых книг для народа осуществлялось организованным при участии Толстого в 1884 г. и руководимым его друзьями (сначала В. Г. Чертковым, затем И. И. Горбуновым-Посадовым) издательством «Посредник». Степняк внимательно следил за работой этого издательства, составлял перечни выпущенных «Посредником» книг с указанием их тиража (ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 110, лл. 2—6).

¹⁶ Первое издание «Войны и мира» на французском языке (1877 г.), осуществленное по инициативе Тургенева, вышло тиражом в пятьсот экземпляров.

¹⁷ Рассуждая о фатализме восточных народов, Степняк полемизирует с М. де Вогюэ (см. первую главу его книги «Roman Russe», Paris, 1886; 2 изд. — 1888), писавшим: «Остаток первобытного хаоса<...>, беспредельная однообразная равнина<...>, снега, болота и пески<...>, бесконечная даль, влекущая и манящая, — вот почва, порождающая смутные мечтания о небытии, характерные для русской души» (р. 11—12).

¹⁸ Имеется в виду тургеневское письмо к редактору газеты «XIX Siècle» о романе Толстого «Война и мир», опубликованное в этой газете 23 января 1880 г.

¹⁹ Чарльз Тернер — автор нескольких учебников английского языка и пособий по английской литературе для русских, писал также для англичан книги о русской литературе. Здесь речь идет о сочинении Тернера «Count Tolstoi as Novelist and Thinker» («Граф Толстой как писатель и мыслитель». London, 1886), где сказано: «Младшая дочь Ростовых, Наташа, даже совершая по легкомыслию весьма серьезные ошибки, не лишается все же нашей симпатии, и у нас не хватает духа осудить ее» (р. 70—71).

²⁰ См. четвертую главу «Исповеди», т. 23, стр. 12—15.

²¹ «Документальными свидетельствами» Степняк называет отклики прессы на печатавшийся роман Толстого. Так, анонимный автор критического фельетона в журнале «Дело» писал: «Если роман понимать как бесцельную, хотя и занимательную сказку, в которой блестящая форма наполнена содержанием личных эстетических вожделений автора, то появление подобных произведений должно служить знаменем нравственного упадка. Роман „Анна Каренина“, несмотря на все восхваления его, как раз именно принадлежит к числу подобных произведений, и его прославленный автор относится именно к числу художников, способствующих понижению нравственного уровня в обществе<...> Его художественный объективизм не смущается самою пошлостью и самою пустейшей пустотой избранного им обеспеченного мира...» («Дело», 1875, № 5, стр. 13—42). Отголоски подобных высказываний Степняк находил также в более поздних статьях М. С. Громеки — «Последние произведения графа Л. Н. Толстого» («Русская мысль», 1880, № 2—5), А. М. Скабичевского «Разлад художника и мыслителя» («Русское богатство», 1880, № 1), Р. А. Дистерло «Граф Толстой в его художественных произведениях» («Неделя», 1886, № 1, 21, 23, 25, 28, 36) и др.

²² Рассказ о посещении Толстого Фреем, давно уже обдуманный и сложившийся, Степняк намеревался перенести сюда из своей статьи «Свет России» — см. выше, стр. 549—555.

²³ См. гл. 1 «В чем моя вера?» (т. 23, стр. 306—312).

²⁴ В черновом наброске Степняк писал по-русски: «Роман произвел целую бурю негодования. По-моему, самое худшее, что можно сказать, — это — что не артистичен» (ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 126, л. 63).

²⁵ Американские и английские издатели в угоду требованиям буржуазно-пуританской морали в течение ряда лет публиковали «Крейцерову сонату», а позднее и «Воскресение» в сильно урезанном виде.

²⁶ В черновом наброске Степняк писал по-русски: «Благородная цель — мужская чистота, и для семейной жизни, и для будущих поколений, но Толстой пересолит и дошел до идеалов монастырских» (там же).